

№ 97. (ДОБРЫНЯ И ВАСИЛИЙ КАЗИМИРОВИЧ)

- Как во стóльнѣм было городи во Киеви,
Что у ласкового князя у Владимира,
Был хорош почестен пир да пированьице
На многѣх князей, на многѣх бóяров,
5. Да на сильных могучиих богатырей,
Да на славных поленѣц да разудáльных.
Еще крáсно солнышко на вечери,
Да хорош идет почестен пир на вѣсели.
А Владимир—князь да стóльнѣ—киевский
10. Он по горенке столовоей похаживал,
Между столички дубовыми погуливал
Да и в косяцето окошечко посматривал.
Говорит Владимир таковы слова:
— «Ай же вы, удáлы дóбры мóлодци!
15. А ведь все вы, мóлодци, да на честнóм пиру,
На честнóм пиру да пьяны—веселы,
Над собой невзгодушки не знаете,
А кого бы мне послать повыехать
Да во тую ли во землю дальнюю,
20. Да во тую ли в орду да й в темную,
Во темнóу орду да хоробру́ Литву
Ко тому ли королю литовскому.
Ко тому ли Ботия́ну Ботия́нову,
Да свезти ему все дани, ему выходы,
25. Да все стары все невыплаты
- 428
- А за все времена за доселешни!»
Ай все тут на пиру да призамолкнули,
Призамолкнули, призатúлялись,
А ведь старший тóличка за среднего,
30. А и средний тóличка за младшего,
А от младшего тóличка ответа нет, —
Таковых людей во гради не находится.
Из—за тех тут из—за столиков дубовых,
Из—за тех тут из—за скамеечек окольных
35. А вставал старый прожитой сын Иванович,
Сын Иванович да Илья Муромец.
Говорил Илья да й таковы слова:
— «Ай же князь Владимир стóльнѣ—кеевской,

- Не вели казнить, позволь мне вымолвить!
40. Ай ведь был я на заставушке двенадцеть лет,
Ай двенадцеть лет да с половиною;
А ведь конницей никто тут не проежживал,
Да й пехотой никто тут не прохаживал,
Да й пестрый зверь тут не прорыскивал,
45. Да и птица чорный ворон не пролётывал,
А служил тебе я верой—правдою, —
Так ведь знаю, да й кого послать повыехать,
А пошли—тка ты молодого Васильюшка!»
Как тут князь Владимир стóльнѣ—кеевской,
50. Поскорѣшеньку он поворот держал;
Да й берет он свою чару во белы́ руки,
Наливает полной чары зеленá вина,
Да й не малú стопу́ — да полтора ведра,
Разводил меда́ми всё стоялыми,
55. Подносил молóдому Васильюшку.
Молодой Васильюшка Казíмиров
Поскорѣшеньку соскочит на резвы́ ногú,
Принимает чарочку одной ручкóй,
Испивает чарочку однем душкóм, —
60. На ногах стоит Василий — не шатается,
А й он с князем говорит — так не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ—кеевской,
За твоѣ за сладко й винцо—й—водочку,
За твоѣ за сладкие й напитокочки!
65. Ай и еду я й во землю дальнюю,
Да й во ту й ли в орду й да во тёмную,
Во темnú й орду да хоробру́ й Литву,
Ко тому й королю литовскому,
Ко тому ли Ботия́ну Ботия́нову;
70. А свезем мы дани яму́ й выходы,
Еще царски стары все невыплаты
А ё за все ли времена за доскóлешны,
Только дай ты мне да й во товаришшы
Ты молóдого Добрынюшку Микитенца!»
75. Так тут князь Владимир стóльнѣ—кеевской
Поскорѣшеньку он поворот держал;
Да берет он свою чару во белы́ руки,

Наливает пóлну й чару зеленá вина,

- Да й не малую стопу — да полтора ведра,
80. Разводил меда́ми всё стоялыми,
Подносил молóдому й Добрынюшки.
Молодо́й Добрынюшка Микитинец
Поскорёшеньку соскочит на резвы́ ногú,
Принимает чарочку одной рукой,
85. Испивает чарочку однё́м душком, —
На ногах стоит Добрыня, — не шатается,
А с князем говорит, — так не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир сто́льнё—кеевской,
За твоё за сладко й винцо—й—водочку,
90. За твоё за сладкие й напитокочки!
А ведь едем мы во землю дальнюю,
Да й во ту ю ли орду во тёмную,
Во темnú орду, хоробру́ Литву,
Ко тому ли ко́ролю й литовскому;
95. Ай свезем мы дани ёму́, выходы,
Еще царски стары все невыплаты
Ай за все ли времена да за досю́лешны.
Только дай ты нам еще в товаришшах,
Ты молóдого Иванушка Дубровича,
100. Чтоб тому, Иванушку, коней седлать,
Да й тому ж, Иванушку, рассёдывать,
Ему плети подавать, нам плети принимать!»
Так тут князь Владимир сто́льнё—кеевской
Поскорёшеньку он поворот держал;
105. Ай берет он свою чару й во белы́ руки́,
Наливал да й по́лну чару й зеленá вина,
Дай не малую стопу — й да й полтора ведра,
Разводил меда́ми все стоялыми,
Подносил молóдому Васильюшку.
110. Молодо́й Васильюшка Казíмиров
Поскорёшенько соскочит на резвы́ ногú,
Принимает чарочку одной ручко́й,
Выпивает чарочку однё́м душко́м, —
На ногах стоит Василий, — не шытается,
115. Ай он с князем говорит, — так не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир сто́льнё—кеевской,
За твоё за сладко й винцо—водочку,
За твоё за сладкие й напитокочки!
Ай ведь едем мы й во землю дальнюю,

120. Да й во тую ли орду да й во тёмную,
Во темnú й орду да в хоробру́ Литву,
Ко тому ли к королю й литовскому,
Ко тому ли Ботия́ну Ботия́нову;
Да й свезём мы й дани ёму́ й выходы,
125. Еще царски стары все невыплаты
Ай за все ли времена да за досю́лешны.»
Молодой Васильюшка Казу́миров,
Говорит Василий таковы слова:
— «Ай же князь Владимир стóльнѣ— кеевской
130. А садись— ка, князь Владимир, на ременчат стул,
Да й пиши— тко грамоту посыльную,
Да й бери скорѣнько золоты ключи,
Да й иди на по́греба глубокия —
Подавай нам дани во белы́ руку́!»
135. Так тут князь Владимир стóльнѣ— кеевской
Поскорѣшеньку он поворот держал,
Да й сядился князь да на ременчат стул,
Да й писал он грамоту й скорѣшенько,
Да й берет скорѣнько й золоты ключи,
140. Да й идет на погребы глубокия.
Насыпáл он первы мисы красна золота,
А вторыя мисы — чиста сѣребра,
А он третья мисы — скатна жемчуга,
Брал двенадцеть лебедѣй, двенадцеть кречетей,
145. Подавает дани во белы́ руку́.
Ай же те дурóдни дóбры мóлодци,
Оне брали дани из— под пазушки,
Они друг с другом да спростилися,
На четыре на сторонки поклонилися
150. И пошли от князя со честна́ пирá.
Выходили мóлодци й да на широкий двор,
Они делали сговóр междú собой,
Где им съехаться в раэдољици чистóм полѣ.
— «Надо съехаться у камня у Лáтыря,
155. У того ли у дубá, дуба Нѣвидя,
Да ка тех ли на дорожках на крестовых.»
Очи делали сговóр междú собой,
Они друг с другом тут распростилися,
Разошлися по полатам белокаменным.

160. Молодой Добрынюшка Микитинец
Приходил в свои полаты белокаменны,
Да й садился Добрыня на ременчат стул,
Очи райские впустил во кирпичный пол.
(Жалко стало из дому ехать.)
Увидала Добрыню рódна матушка:
165. — «Ай же чадочко мое й любíмоё,
Что не весел пришол ты с честна́ пирá?
Али место было́ тебе не по́ чину?
Али чарочкой тибя приобнесли?
Али пьяница — дурак ти приогáлился?»
170. Говорит Добрыня такovy слова:
— «Ай же свет моя ты государыня,
Государыня ты й рódна й матушка,
Ты на что меня, й несчастного, спорóдила?
Лучше б ты меня, й несчастного, спорóдила
175. Ты горячим бы белым камешком!
Завязала б этот белый камешок
В тонкий белый полóтняный рукавичек
Да й бежала б к океян — морю́ глубокому
И бросила б этот белый камешок
180. Да й во тот во океян — морё глубóкоё, —
- Там лежал бы этот камешок
Вéки по́ — веку без шевелимости, —
Ветры буйные б по нем не веяли,
Добры б люди про Добрынюшку не бáяли!
185. Нет, — так лучше бы несчастного спорóдила
Во Пучáй — реку́ да гоголи́ночкой!
А стояла б эта мала й гоголи́ночка
Вéки по́ — веку без шевелимости, —
Ветры буйные по ней не веяли,
190. Добры люди про Добрынюшку не бáяли!
Нет, — так ты б меня, несчастного, спорóдила
Да й на скат горы дере́винкой!
А стояла б эта й мала й дере́виночка
Вéки по́ — веку без шевелимости, —
195. Буйны б ветрушки об ей не веяли,
Добры люди про Добрынюшку й не бáяли!
Тут съезжались бы богáтыри могучия
Да привязывали б ко́ней богатырских,

- Насыпали б им пшено да белоярово...»
200. Ай тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом да й во всю голову:
— «Ай же чадочко мое любимоё,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Кабы знала над тобой бы ту й невзгодушку,
205. Я б не так тебя, несчастного, спородила!
Я бы возрастом тибя спородила
Я б во старого казака в Илью Муромца!
Я бы силушкой тибя спородила
Ай во славного Святогора во богатыря!
210. Красотой бы й тибя спородила
Да й во ласкового князя во Владимира!
Я бы смелостью тибя спородила
Во того ли во Олешеньку й Поповича!
Я б поездочкой тибя б спородила
215. Во того ли во Михайлу да во Пóтыка!
Я б походочкой тибя ль спородила
Во того ли Ваську Долгополого!
Я б богатством тибя й спородила
Во того во Дюка во Степанова!»
220. Молодой Добрынюшка Микитинец,
Одевает Добрыня снаряженьице,
Одевает рубашечки, манишечки,
Одевает одёжицу опальную,
А опальную одёжу всё, военную,
225. А берет с собой саблю острую,
Свое длинное копье да й муржамецкоё,
Да й берет свой тугой лук разрывчатой,
Да й набрал он много стрелочек каленых,
Да й берет с собой шельгу подорожную.
230. Выходил Добрыня й на широкой двор,
Заходил в конюшню во стоялую,
Брал коня за повода шелковыя,
- Выводил коня он на широкий двор,
Становил коня он посреди двора,
235. Стал засёдлывать коня да закольчѣживать, —
На коня покладывает войлучок,
Ай на войлучок накладывал подпотничѣк,
На подпотничѣк — седельшко черкальское,

- Да й которое седёлко изукрашено
240. Разноцветным каменем усажено,
Драгоценными шелками изушívано,
Да й червонным золотом обивано;
Ай обтяжечки его шелкóвыи,
Они тянутся да й еще и не рвутся,
245. Да й ведь пряжечки то й красна золота,
Ай они ли мокнут, так не ржавеют,
Ай шпинечки есть чýста сéребра,
Ай они не гнутся, так не ломаются,
Стремена — железо есть булатноё,
250. Ай оно ли мокнет, так не ржавеет.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Заседдал коня он богатырьского,
Да й хочет вскочить он на добра коня,
Да й он хочет поехать с широка двора,
255. Так тут свет честна й вдова й заплакала
Женским голосом во всю голову:
— «Ай же ты, любимая й семеюшка,
Молодая Настасьюшка Микулишна!
Ай ты спишь во тереми в златом верху́,
260. Над собой невзгодушки не ведаешь:
Закатается ведь нашо солнышко,
Уежжает твой Добрыня й с широка двора,
Так беги — тко й на широкой двор,
Подбегай к Добрынину й добру коню,
265. Да й ко правому ко стремени булатному!
Говори Добрыне не с упадкою:
Да куда он едет, куда путь держит,
Да й когда ждать велит да когда по́дждать,
Да й когда велит в окошечко посматривать!»
270. Услыхала тут Настасья Микулишна,
Выбегала поскореньку й на широкий двор
Ай в одних чулочиках без чоботов,
Ай в одной рубашечке без пояса,
У ней женски волосы не убраны.
275. Подбегала к Добрынину й добру коню,
Да й ко правому й ко стремени булатному,
Говорила Добрыне не с упадкою:
— «Ай же ты, мое любимоё и семеюшка,
Молодой Добрынюшка Микитинец,

280. Ай куда ж ты едешь, куда путь держишь,
Когда ждаться велишь, когда пождать,
Да и когда велишь в окошечко посматривать?»
Говорит молоденькой Добрынюшка:
— «Ай же ты, моя любимая семейюшка,
285. Молодая жена Настасьюшка Микулишна!
Когда стала у меня про то и выспрашивать,
Так я стану про то и высказывать:
Перво и шесть годов ты прожди за меня,
Друго и шесть годов ты прожди за себя.
290. Так пройдет — от поры — времячка двенадцать лет,
Тут поглядывай в косяцето окошечко,
Да и ходи — тко ты во зелен сад,
Да и поглядывай на сахарья на деревцо.
Тут подлетит голубь с голубинкою;
295. Еще станет голубь тут прогуркивать,
Что погиб Добрыня во чистом поле,
Во чистом поле да и на добром коню, —
Прибежит мой конь тут из чиста поля,
Из чиста поля да и без наездника,
300. Так тогда и, Настасьюшка, замуж поди,
Хоть замуж поди, а хоть вдовой живи,
За крестьянина иди, хоть за боярина,
Нет, — так за сильного, могучего богатыря,
Не ходи — тко только замуж за Олешеньку,
305. За Олешеньку Поповича, за бабьего и насмешника, —
Ай Олешенько Попович мне названой брат!»
Только видели Добрыню и сядучись,
Ай не видели Добрынюшку и поедучись.
Со двора он ехал не воротами,
310. Ай он с города он ехал да не дорогами,
Его и добрый конь — от богатырской
Проскакал все стены городова,
Проскакал он башни трехугольные,
Ай он мелкие озера между и ног пускал.
315. То и не молния в чистом поле просвистнула,
Так приехал молодой Добрынюшка Микитинец
На своем на Бурушки косматом,
Нагонял он своих братиц крестовых.
Они съехались так поздоровались

320. Да й сходили на матушку й сыру землю,
Они делали сговóр между собой,
Ай куда им ехать во темnú орду.
Ай садились на добры́х коней, поехали;
Они день едúт по красному по солнышку,
325. Они ночь едúт по светлому по месяцу, —
А ведь день за днем, как будто дождь дождит,
Ай неделька аа неделкой, как река бежит, —
Да й проходит времени по год поры́,
Да й проходит времени по дрúгой год,
330. Да й проходит времени по трú годú.
Приежжают они во темnú орду
Ко тому ли королю й литовскому;
Заежжают к королю да й на широкий двор,
Становили кóней богатырьских.
335. Молодой Васильюшка Казúмиров
Поскорёшеньку соскочит со добра́ коня,
- Он вздынúл копье да выше гóловы,
Да спустил копье он ниже пояса,
Ниже пояса во матушку сыру землю,
340. Тут привязывали кóней богатырьских.
Говорит Васильюшка Казúмиров:
— «Ай же братьца мои крестовья,
Какова пора, какое времячко,
Постоим — ка, братьца, за дрúг другá!»
345. Да пошли в полаты белокаменны:
На петú тут они двери тут поразмáхнули,
Они крест кладут по — писáному,
Да й поклон ведут по — ученому,
Нá две, нá три, на четы́ре сторонки поклоняются,
350. Ай они кóролю й в особину,
Ай и всем князьям да й подколенным.
Говорит кóроль тут Ботúян тут Ботия́нович:
— «Вы откудошни, дурóдни дóбры мóлодци,
Вы какой земли да й какой орды?
355. А какого ж есь роду й племени?
А какого ж есь отца й матери?
Еще как же й вас именём зовут,
Удалы́х взвеличают по отечеству?»
Говорит Васильюшка Казúмиров:

360. — «Ай же кóроль Ботия́н ты Ботия́нович,
Мы приехали со матушки святой Руси,
Мы от стольнего от городá от Киева,
Мы от ласкового князя от Владимира
Привезли вам дани все да й выходы
365. За все старые все годы да за ныняшьни
Да й за все ведь вре́мена да за досю́лешны.»
Говорит кóроль тут Ботия́н да Ботия́нович:
— «А и где ж у вас бесчетна золотá казна?»
Говорит Васильюшка Казíмиров:
370. — «Ай же ты, кóроль Ботия́н да Ботия́нович!
Мы поехали из стóльнёго из Киева,
Мы от ласкового князя от Владимира,
А Владимир—князь да стóльнё—киевской
А телеги—то покладывает ветхие,
375. А монет накладывал все медных, —
Да й телеги наши поломались,
Ай монеты там остались,
Да й не будут вам монеты ве́ки по—веку,
Ве́ки по—веку й пока Владимир жив!»
380. Королю́—то это, ясно, не влюби́лоси,
Не влюби́лоси да не в любовь пришло.
Говорит король да таковы слова:
— «Ай же вы, уда́лы, дóбры молодцы!
У вас есть ли в стольном городи во Киеви
385. А играют ли у вас во шашки—шахматы,
Ай во те—ли велéи во немецкия?»
Говорит Васильюшка Казíмиров:
— «Ай же кóроль Ботия́н да Ботия́нович!

435

- А не знали мы утехи королевской
390. Да не знали мы ухватки молодецкой,
У нас все игроки домá остались;
Только есь у нас одна надеюшка
А на спаса, ка пречисту й богородицу
Да на своего братца крестового —
395. На молóдого Добрынюшку Микитинца!»
Приходили да за столики дубовыя,
Да й за те ли за скамеечки окольныя,
Заводили играть во шашки—шахматы,
Да й во те ли велéи во немецкии.

400. Да й ведь кóроль Ботия́н Ботия́нович
Становил свою бесче́тну золоту́ казну,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Залагает своего добра́ коня.
(У короля есть всё, а ему коня заклады́вать надо!)
Так сыграли они тут у́гру перьвую, —
405. Как король Добрынюшку по́ббыграл,
Он и выиграл Добрынина добра́ коня,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Опосля — то ён пути — дороженки
Просмотрел да стúпень дóски ша́шечной,
410. Проиграл он своего добра́ коня,
А он малого Бурушка косматого,
Так сади́лися играть тут у́гру дру́гую.
Так ведь кóроль Ботия́н Ботия́нович
Залагает Добрынина добра́ коня,
415. Молодой Добрынюшка Микитинец
Залагал свою головку молодецкую.
Как сыграли оне у́гру дру́гую,
Как Добрынюшка короля по́ббыграл,
А он выиграл своего й добра́ коня.
420. Кóролю — то это дело й не слюбилося, —
Как сади́лись играть тут у́гру третью.
А ведь кóроль Ботия́н Ботия́нович
Залагал свою бесче́тну золоту казну,
Молодой Добрынюшка Микитинец
425. Залагает своего добра́ коня.
Так сыграли они тут у́гру третью,
Так Добрыня кóроля по́ббыграл,
А он выиграл бесче́тну золоту казну.
Кóролю — то это дело не взлюбилося,
430. Не взлюбилося да й не в любовь пришло, —
Проиграл свою бесче́тну золоту казну!
*(Добрыня, повидимому, умнее его парень был; сначала
проиграл своего коня, а потом выиграл все!)*
Говорит тут кóроль Ботия́н да Ботия́нович:
— «Ай же ты, дорóдний добрый мо́лодец,
У вас есть ли во сто́льноём городе во Киеви
435. А стреляют ли со луков со каленных.
Попадают ли в колечико серебряно?»
Говорит Васильюшко Казими́ров:

- «Ай же король Ботия́н Ботия́нович,
Ай не знали мы утечи королевской,
440. Да й не знали мы ухватки молодецкой,
У нас все стрельцы дома́ остались;
Только есть у нас одна надеюшка
Ай на спаса, на пречисту богородицу,
Ай на своего братца́ крестового —
445. На мо́лодого Добрынюшку й Микитинца!»
Как тут король Ботия́н да Ботия́нович
Посылал татаровей поганных,
Ай своих прислуг он очень верных:
— «Ай идите—тко на по́греба глубокие,
450. Принесите—тко вы мой да ту́гой лук,
Чтобы было с чего мо́лодцу повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
По тому ли по острёю по ножовому,
Да й попасть во колечичко серебряно!»
455. Тут идут татарова поганые,
На носилочках несут да ту́гой лук,
Подают мо́лодцу да во белы́ руки.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Стал тетивочку шелко́вую натягивать, —
460. У Добрыни ту́гой лук да стал полапывать, —
Да й полапывал, полапывал, взял ро́зорвал.
Говорит мо́лодой Добрынюшка Микитинец:
— «Ай завозная лучёночко й помётная,
Ай поношено да й было брошено!
465. А мне не́ с чего, мо́лодцу, й повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
По тому по острёю по ножовому,
Да й попасть в колечичко серебряно!»
Говорит тут король Ботия́н да Ботия́нович:
470. — «Ай же вы, мои тут слуги верные,
Ай идите—тко вы на по́греба глубокие,
Принесите—тко вы мой да й ту́гой лук,
Чтобы было с чего мо́лодцу й повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
475. По тому ли по острёю по ножовому,
Да й попасть в колечичко серебряно!»
Тут идут татарова поганья

- На носилках несут да й тугой лук,
Подают молодцу й во белы руки.
480. Молодой Добрынюшка Микитинец
Стал тетивочку шелковую натягивать —
У Добрыни тугой лук да стал полапывать, —
Ай полапывал, полапывал, взял рзорвал.
Говорит молоденькой Добрынюшка:
485. — «Ай завозная лучёнышко помётная,
Ай поношено да й было брошено!
А мне и не с чего, молодцу, повыстрелить,
Пропустить ведь стрелочку каленую
По тому ли острёю по ножовому,
490. Ай попасть в колечичко серебряно!»
Говорит молоденькой Добрынюшка:
— «Ай же ты, мой да и крестовый брат,
Молодой Иванушка Дубрович — то,
Ай бежи — ко ты поскореньку на широкий двор,
495. Подбегай к Добрынину добру коню,
Ай ко правому ко стремени булатьнему,
Принеси — тко ты мне тугой лук,
Чтобы было с чего молодцу повыстрелить,
Пропустить стрелочку каленую
500. По тому острёю по ножовому,
Да й попасть в колечешко серебряно!»
Молодой Иванушко Дубрович — то,
Поскорёшеньку бежит он на широкий двор,
Подбегал к Добрынину добру коню,
505. Ай — ко правому ко стремени булатьнему,
Отстегнул он тугой лук разрывчатой,
Подает Добрыне во белы руки.
У того ль молодого Добрынюшки
Были вплетены гусельки яровчаты,
510. А не для красы, не для уборества,
А для ради утхи королевской,
Чго когда он ездил в поле за охотою.
Заиграл в гусельшки яровчаты, —
Да и все тут кругом да й приослушались,
515. Приослушались татара, придумались:
— «А й ведь жили мы, братцы, веки по — веку,
А такой игры на свете не слыхано,

- Да й на бѣлоѣм еще таки не видано!»
Молодой Добрынюшка Микитинец
520. Натягивал тетивочку шелкóвую,
Наложил он стрелочку каленую,
Отошел с того колечка за пять шагов
Да й спустил тетивочку шелкóвую
Да й во тую ль во стрелочку каленую.
525. Тут просвистнула стрелочка каленая
Да й попала в колечко серебряно, —
Разлетелось колечушко серебряно
На две равны обе половиночки.
Ай тут король Ботия́н да й Ботия́нович
530. Ай берет ту́гой лук разрывчатой,
Ай он первый раз стрелѳл — не дострелил,
Ай он дрѳгой раз стрелѳл — так перѳстрелил,
Ай он третий раз тут стрелѳл — так попасть не мог.
Королѳю—то это дело не взлюбилось,
535. Не взлюбилось да й не в любовь пришло.
Говорит тут король Ботия́н да Ботия́нович:
— «Ай же вы, дорóдни дóбры мóлодцы,
У вас есть ли да и во стóльноѣм во городи во Киеви,
У вас есть ли борьба да й рукопашечка?»
540. Говорит молоденький Васильюшка:
— «Ай же кóроль Ботия́н ты Ботия́нович,
- Ай не знали мы утѳхи королевской,
Ай не знали мы ухватки молодецкой,
У нас все борьцы дома остались,
545. Только есь у нас одна надеюшка
А на спаса, на пречисту й богородицу
Да и на своего й на братца на крестового,
На молóдого Добрынюшку Микитинца!»
Молодóй Добрынюшка Микитинец,
550. Выходил Добрыня на широкой двор
Ай подраться боем—рукопашкою.
Молодой Васильюшка Казѳмиров,
Молодой Иванушка Дубрóвинич
Ай пошли с королем на балхоны королевские
555. Посмотреть тут на борьбы да й рукопашечку.
Молодой Добрынюшка Микитинец
Видит — страшные татара преужасные, —

- Ай междú плечами широка́ сажень,
Ай между глазами широка́ пядень,
560. Голова на плéчах как пивной котел,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Стал Добрыня по дворику похаживать,
Стал Добрынюшка татар ведь тут поталкавать,
Ай, поталкивать, стал попу́нивать,
565. Так тут стали татарова по двору валяться.
Так пошло к Добрынюшке тут по́— двою,
Так пошло к Добрынюшке тут по́— трою,
Так пошло к Добрынюшке десятчком,
Отворялисе ворота на широкий двор,
570. Повалило силушки черны́м— чернó,
Ай черны́м— чернó как чёрна вóрона,
Молодой Добрынюшка Микитинец
Видит — дело есть тут нехорощее,
Ай побьют его татарова поганья.
575. Воскричал Добрыня громким голосом:
— «Ай же братьица мои крестовья,
Поспевайте— тко, братцы, да на вы́руку.
Потеряем здесь головки молодецкия!»
Сам схватил татарина как за́ ноги,
580. Он как начал тут татаринoм помахивать,
Да й как начал татар тут поколачивать,
Да й куда ударит — падёт улица,
Перевернет — дак переулками.
Молодой Васильюшка Казими́ров
585. Поскорёшеньку с болхонов скочит на широкий двор,
Да й схватил Васильюшка ось тележную,
Да й как начал осью той помахивать,
Да й как начал татар тут поколачивать,
Да й куда ударит — падёт улица,
590. Перевернет — дак переулочками,
Да й тут бьют их, как траву кося́т,
Ай ведь сила в них не умени́шилась.
Выходили за ворота за широкия,

Выходили на матушку й на темну́ орду,
595. Они бились боем— рукопашкою,
Они дрались ровно трои сутоки,
Не едаючись да й не пиваючись,

- Да й себе отдо́ху не даваючись.
Этот ли король литовский
600. Видить — дело есть тут нехорошее,
Ай побьют тут татаровой поганных,
Говорит молóдому Иванушку:
— «Ай же ты, удалый добрый мо́лодец,
Ай богáтырь есть ты святоруськийий,
605. Уговори—тко братьицев крестовых, —
Пусть оставят мне силы хоть на се́мена,
Ай буду платить вам дани—выходы,
Дани—выходы да все невыплаты
По той поры, пока король сам жив.
610. Пусть оставят силы мне на се́мена!»
Молодой Иванушку Дубрович — то
Поскорёшеньку садился й на добра́ коня
Да й поехал по матушке темно́й орды,
Нагонял он своих братьицев крестовых, —
615. Они силу бьют, а й как траву кося́т,
Ай сила в них да и не уме́ньшилась,
Он не смел заехать с личка белого,
Ай заехал он да й с плеч могучиих,
Принакинул храпы́ есть очень крепкии,
620. Становил он сильного могучего богáтыря,
Молодого Васильюшку Казíмирова.
Говорит он сам да й таковы слова:
— «Неужели, братец, ты не наобедался?
Ты сставь — ко мне силы хоть позавтракать,
625. Вы оставьте ко́ролю силы хоть на се́мена,
Да й он будет платить нам дани—выходы,
Дани—выходы, пока коро́ль сам жив!»
Сам поехал по матушке темно́й орды,
Нагнал он сильного русского богáтыря,
630. Ай он своего братца́ крестового,
Молодого Добрынюшку Микитенца.
Ай он силу — то бьёт, как траву коси́т,
А сила ведь не уме́ньшилась.
Он не смел заехать с личка белого,
635. Ай заехал к нему й с плеч могучиих,
Принакинул храпы́ есь очень крепкие;
Молодой Добрынюшка Микитинец
А он первые храпы́ прибо́рвал, —

- Не мог он становить своего братца крестового;
640. Принакинул опять храпы́ есь очень крепкия,
Очень крепкия храпы́ есь очень тутия,
Становил он русского й богатыря,
Молодого Добрынюшку Микитенца,
Говорит он ему да й таковы слова:
645. — «Неужели, братец, ты не наобедался?

440

- Ты оставь ко мне силы хоть позавтракать,
Ты оставь силы королю хоть на семена,
А ведь будет король платить нам дани — выходы
Дани — выходы пока король сам жив.»
650. Тут брались они за рученьки за белья,
Да й за те ли за перстни за злачёныя,
Да й пошли по матушке темной орды,
Приходили к королю да й на широкий двор,
Говорит тут король Ботия́н да Ботия́нович:
655. — «Ай же вы, дуродни добры молодцы,
Проходите — тко в полаты белокаменны,
Проходите — тко за столики дубовыя,
Да й за те ли за скамеечки брусовыя,
Да й поешьте — тко ествица сахарныя,
660. Да й попейте — тко вы питыица медвяных!»
Говорят дуродни добры молодцы:
— «Ай же глупый ты король литовский,
Ай ведь глупый Ботия́н да Ботия́нович!
Не участвовал нас молодцов, приедучи,
665. Не участвовать нас, молодцов, поедучи!»
Они сели на добрых коней, поехали.
Они день едут по красному й по солнышку,
Они ночь едут по светлому й по месяцу, —
Ай ведь день за днем, как будто дождь дождит,
670. А неделька за неделкой, как река бежит, —
А ведь едут времени по год — поры,
Да й ведь едут поры — времечка по другой год,
Да й ведь едут поры — времечка по три году, —
Приезжают на матушку светую Русь,
675. Да й на те й ли на дорожки на крестовыя,
Ко тому ли ко камению й ко Латырю,
Ко тому ль дубу́, дубу́ крехновисту.
Они друг с другом тут распростилися.

- Молодой Васильюшка Казимиров,
680. Молодой Иванушка Дубрович — то
Ай поехали ко городу Чернигову;
Молодой Добрынюшка Микитинец
Он поехал ко городу ко Киеву.
Да й отъехал от дорожек от крестовых
685. Да й под той под главный под крестовист дуб,
Становил коня он богатырьского,
Сам сходил на матушку сыру землю,
Да раздёрнул Добрыня свой бел шатёр,
Насыпал коню пшена он белоярова;
690. Опосля ведь он пути — дороженьки,
Опосля он того бою — драки — кроволития
Спать ложился Добрыня во белом шатре.
Не успел еще Добрыня заснуть он верно крепким снем,
Как ведь в тую пору, в тое времячко
695. Подлетает голубь с голубинкою
Ай на тот на славный на крестовист дуб.
Начинает голубь тут пригуркивать:
- «Ай же ты, молоденькой Добрынюшка,
Ай ты спишь во белом шатре да прохлаждаешься,
700. Над собой невзгодушки не ведаёшь:
А твоя жена, Настасьюшка Микулишна,
Да й выходит замуж за Олешеньку й Поповича,
Ай у князя есть ведь у Владимира
Да й хороший честен пир ведь, пиروваньице...»
705. Молодой Добрынюшка Микитинец,
Разомкнул свои он очи ясныя,
Поскорёшеньку соскочит на резвы ногы,
Да й задёрнул Добрыня свой бел шатёр,
Поскорёшеньку скочил да на добра коня,
710. Да й поехал во славный во стольней Киев — град,
Приежжал Добрыня в стольней Киев — град,
Заежжал на свой он на широкий двор,
Становил коня посреди двора,
Сам идет в полаты белокаменны,
715. Ай он крест кладет да й по — писаному,
Ай поклон ведет он по — ученому,
На две, на три, четыре стороны поклоняется,
А своей — то государыне в особицу:

- «Здравствуй, свет честна́ вдова Мамерфа Тимофеевна!
720. Ай сегодня был я во чистом полѹ,
А я видел твоего сына́ й любимого;
Он поехал ко городу Чернигову,
Ай меня послал ко городу й ко Киеву,
Да ё велел тебе еще й поклон свезти.
725. Да й велел тебе сходить на по́греба глубокия,
Да й принести его одѣжу скоморо́вчату
Да его гусѣлышка яро́вчаты.»
Как тут свет честна́ вдова заплакала
Женским голосом да й во всю голову:
730. — «Ай же ты, мужик да й деревенщина!
Если б была тая слава на светой Руси,
А что ездит мой Добрыня на добром конѹ,
Не пришлось бы вам сюда съежжатися,
Над моим двором да насмехатися!»
735. Молодой Добрынюшка Микитинец,
Ай он бьет челом еще по дру́гой раз,
Ай он желтыми кудрями до кирпичных пол:
— «Ай же свет Мамерфа Тимофеевна!
Ай сегодня я был в раздольице чистом полѹ,
740. Ай я видел твоего й сынка любимого;
Он поехал ко городу й к Чернигову,
Ай меня послал ко городу ко Киеву,
Да й велел тебе еще поклон свезти,
Да й велел сходить на по́греба глубокия,
745. Принести его одѣжу скоморо́вчату
Да й его гусѣлышка яро́вчаты.»
Да й как тут честна́ вдова заплакала
Женским голосом да й во всю голову:
— «Ай же ты, мужик да й деревенщина,
750. Если б была бы тая слава на светой Русѣ,
А что ездит мой Добрыня на добром коне,
Не пришлось бы вам сюда съежжатися,
Над моим двором да й насмехатися!»
Молодой Добрынюшка Микитинец,
755. Ай он бьет челом еще во третей раз,
А он желтыми кудрями до кирпичных пол:
— «Ай же свет честна́ вдова Мамерфа Тимофеевна!
Ай сегодня был во раздольице чистом полѹ,

- А я видел твоего сына й любимого;
760. Он поехал ко городу й к Чернигову,
Ай меня послал ко городу й ко Киеву
Да й велел тебе еще й поклон свезти,
Да й велел сходить на по́греба глубокия,
Принести его одёжу скоморóвчату
765. Да й его гусёлышки ярóвчаты,
Да й велел одеться малой скоморошенькой,
Да й велел сходить ко князю й на почестен пир.»
Да й как тут свет честна́ вдова да й пораздумалась,
Да й брала скорёшенько да й золоты ключи,
770. Да й идет на по́греба глубокия,
Да й брала рубашечки — манишечки,
Бра́ла кунью шубку на одно плечо,
Бра́ла шапочку соболью на одно ушкó,
Да й бра́ла сапоженьки сафьяныя,
775. Да й брала лапóтики шалкóвыя,
Да й брала его гусёлышки ярóвчаты,
Приносила мóлодцу й да во белы́ рукí.
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Говорит Добрыня, таковы слова:
780. — «Ай же свет честна́ вдова Мамерфа Тимофеевна!
Ай ведь жили мы с Добрыней близко й по́ — близку.
Вместе грамоте мы с ним училися,
Да й играл я с Добрыней во шашки — шахматы,
Ай ведь часто я с Добрыни да й езды брал.»
785. Сам одел рубашечки — манишечки,
Одел кунью шубку на одно плечо,
Одел шапочку соболью на одно ушкó,
Да й одел сапоженьки сафьяновые,
Да й одел лапóтики шелкóвыя,
790. Брал с собой гусёлышки ярóвчаты,
Сам пошел ко князю на почестен пир;
Ай приходит ко князю на широкий двор,
У ворот стоят да й приворотнички,
У дверей стоят везде й придвернички,
795. Не пускают мóлодца да й на почестен пир.
Так ведь этот малый скоморóшенька
От ворот приворотников отталкивал,
От дверей он придверников отпинывал,
Да железныя замочки в руках порвал,

800. Сам зашол ко князю на почестен пир;
Говорит он князю таковы слова:
- 443
- «Ай же ты, Владимир — князь да стóльнѣ — киевский,
Укажи мне место скоморóвчато!»
Указали ему место скоморóвчато
805. А по край ли печи на скамеечке.
Так ведь этот малый скоморошинька,
Говорит он князю таковы слова:
— «Ай же князь Владимир стóльнѣ — киевской,
Ай спозволь сыграть мне úгру первьую,
810. Ай спотешить тебя, князя Владимира,
Со своей Апраксей — королевишной.»
Князь позволил сыграть тут úгру й первьую.
Этот малый скоморошинька,
Стал он струночки наваживать,
815. У скомороха стали струночки поигрывать, —
Как и все тут на пиру да й приослушались,
Молодые скоморохи приодумались:
— «А ведь жили мы, братцы, вѣки по — веку,
Да й такой игры на свети не слыхано,
820. Скоморохов — игроков таких не видано!»
Молодая Настасьюшка Микулишна,
Ай сидит за столом она да й призадумалась:
«Ай игра — то есть очѣнь знакомая,
Хоть не мой ли молоденькой Добрынюшка?
825. Не приехал ли Добрыня из чиста поля?»
Как тут князь Владимир стóльнѣ — киевской,
Ай берет он свою чару й во белы руки,
Наливает полну чару зеленá вина,
Да й не малую стопу й он — полтора ведра,
830. Разводили меда́ми всё стоялыми,
Подносил он малой скоморошеньке.
Так ведь тот малый скоморошенька
Принимает чарочку одной ручкóй,
Испивает чарочку одним душком,
835. На ногах стоит тут скоморох — ведь не шатается,
Ай он с князем говорит — ведь не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ — киевской,
За твоѣ за сладко й винцо — водочку,
За твоѣ за сладкие напиточки!

840. Ай же князь Владимир стóльнѣ— киевской,
Ай позволь сыграть мне úгру й дрúгую
Да й спотешить князя Олешеньку Поповича!»
Князь спозволил сыграть úгру дрúгую.
Этот малый скоморошенька
845. Заиграл в гусѣлышка й ярóвчаты,
Он нáигрыши выигрывал хорошия.
Так тут все на пиру приослушались,
Молодые скоморохи приодумались:
— «Ай ведь жили мы, братцы, вѣки пó— веку,
850. Ай такой игры ведь на свете не слыхано
А на белом еще и не видано.»
Как тут князь Владимир стóльнѣ— киевской
Поскорѣшеньку он поворот держал,
- Да й берѣт он чару во белы́ рукы́,
855. Наливает полну чару зеленá вина,
Ай не малую стопу — полтора ведра,
Разводил медáми всё стоялыми,
Подносил он малой скоморошеньке.
Как ведь этот малый скоморошенька
860. Поскорѣшеньку соскочит на резвы́ ногы́,
Принимает он чарочку одной ручкóй,
Испивает он чарочку одним душком, —
На ногах стоит скоморох — да не шатается,
А он с князем говорит — так не мешается:
865. — «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ— киевской,
За твоѣ й за сладко й винцѣ— водочку,
За твоѣ за сладкия напитокочки.
Так когда я сы́грал úгру перьвую,
Ай спотешил тибя, князя Владимира;
870. А когда я сы́грал úгру другу́ю,
Я спотешил князя́ Олешеньку Поповича;
Так позволь сы́грать úгру третью
Ай спотешить Настасьюшку обручную!»
Князь спозволил сы́грать úгру третью.
875. Так ведь этот малый скоморошенька
Заиграл во гусѣлышка ярóвчаты.
Он нáигрыши выигрывал хорошия,
Да й тут все на пиру приослушались,
Молодые скоморохи приодумались:

880. — «Ай жили мы, братци, вѣки по—веку,
Ай такой игры ведь на свете не слыхано
Да й на бѣлоѣм еще не видано!»
Так тут князь Владимир стóльнѣ—киевской,
Поскорѣшеньку он поворот держал.
885. Ай берет он чару во белы́ руки,
Наливает полну чару зеленá вина,
Да й не малую стопу — да полтора ведра,
Разводил медáми всё стоялымы,
Подносил он малой скоморошеньке.
890. Как ведь этот малый скоморошенка
Поскорѣшенку скочил на резвы́ ногы,
Принимает чарочку й одной ручкóй,
Испивает чарочку й одним душком, —
На ногах стоит он — не шатается,
895. Ай он с князем говорит — так не мешается:
— «Благодарствуй, князь Владимир стóльнѣ—кеевской!
Ай когда сыграл я ўгру первьую,
Я й спотешил тебя, князя Владимира,
Со твоей Апраксией—королевишной,
900. Ты мне налил чару зеленá вина,
Да й не малую стопу — да полтора ведра,
Разводил медáми все стоялымы;
Так позволь налить чару й зеленá вина,
Да й не малую стопу — да полтора ведра,
905. Поднести тебе, князю́ Владимиру!»

445

- Князь позволил налить чару й зеленá вина.
Так ведь этот малый скоморошинка,
Ай берет он чару й во белы́ руки,
Наливает полну чару й зеленá вина,
910. Да й не малую стопу он — полтора ведра,
Подносил он тут князю Владимиру.
Так ведь князь Владимир стóльнѣ—кеевской
Принимает чарочку одной ручкóй,
Испивает чарочку одним душком, —
915. На ногах стоит он — не шатается,
Со скоморохом говорит — так не мешается:
— «Благодарствую те, малый скоморошенька,
За твоѣ за сладко и винцо—водочку,
За твоѣ за сладкие й напиточки!»

920. Так ведь этот малый скоморошинка
Говорит он князю й таковы слова:
— «Ай же князь Владимир стóльнѣ— кеевской,
Ай когда сыграл я úгру дрúтую,
Я спотешил князя Олешеньку й Поповича,
925. Ты мне náлил чару зеленá вина,
Да й не мáлую стопу — да й полтора ведра, —
Так позволь налить мне чару зеленá вина,
Да й не малую стопу — й полтора ведра,
Поднести Олешеньке Поповичу!»
(Своему— то братцу! Тут сейчас смешное пойдет!)
930. Князь позволил налить зеленá вина,
Да й не малую стопу — да й полтора ведра.
Как тут этот малый скоморошинка
Ай берет чару во белы́ рукú,
Наливал он полну й чару зеленá вина,
935. Да й не малую стопу он — полтора ведра,
Подносил Олешеньке Поповичу.
Молодой Олешенька Попович— то
Принимает чарочку одной рукой,
Испивает чарочку однѣм душком, —
940. На ногах стоит он — не шатается,
Со скоморохом говорит он — не мешается:
— «Благодарствую те, малый скоморошинка,
За твоѣ за сладкое й винцо— й— водочку,
За твоѣ за сладкие й напитокочки!»
945. Как ведь этот малый скоморошинка,
Говорит он князю й таковы слова:
— «Ай же князь Владимир стóльнѣ— кеевской,
Ай когда сыграл я й úгру й третью,
Ты мне náлил чару зеленá вина,
950. Да й не малую й стопу — й полтора ведра.
Так позволь налить чару й зеленá вина,
Да й не малую стопу — да й полтора ведра,
Поднести Настасьюшке Микулишной!»
Князь позволил налить зеленá вина.
955. Так тут этот малый скоморошинка,
Ай берет он чару й во белы́ рукú,

Наливает полну й чару й зеленá вина,
Да й не малую стопу — й полтора ведра,

- Да й спустил он в чарку свой злачён перстень,
960. Со которым с Настасьей обручались,
Подносил Настасье Микулишной.
Говорит тут скоморох да й таковы слова:
— «Ай же ты, Настасьюшка Микулишна,
Если хошь добра, — так чару й пей до дна,
965. А не хошь добра, — так и не пей до дна!»
Ай Настасьюшка Микулишна,
Она женушка й была неглупая,
Выпивала чарочку й до донушка,
Прикатился перстень к устам сахарниим,
970. Прикатился тот злачён перстень,
Ай с которым в церкви божьей с Добрыней обручались.
Она топнула чарочку о зóлот стол:
— «Вот она где, моя любимая й семёюшка!»
Ухватила за плечи за Добрынины,
975. Она прыгнула к Добрыне через зóлот стол,
Говорила она Добрыне не с упадкою:
— «Ты прости, моё й любíмое й семёюшко,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Что я твоего наказа не послушалась,
980. За Олешеньку й Поповича замуж пошла, —
Ай у бабы волос долог — ум корóток есь!
Не пошла б я замуж за Ольшеньку, —
Ай Владимир — князь да й стóльнё — кеевской,
Как уехал ты в поле биться — ратиться,
985. На беседушку й стал ко мне й похаживать,
Со своей Опраксой — королевичной,
За Олешеньку замуж стал он подговаривать,
Подговаривать, а сам угроживать:
«Не пойдешь ты замуж за Олешеньку,
990. Так не будет тебе места в нашем Киеви,
Да й не будет тебе места и за Киевом.»
Ай ведь этот — то Олешенько й Попович — то,
Он приехал с раздольица чистá поля,
Ай привез да й мне он весточку й нерадосну,
995. Что побит Добрыня со добрóm конем,
Ай распороты у него груди белыя,
Ай ведь брошен твой Добрыня за ракивов куст!»
Так пошла тут я замуж за Олешеньку!
Ты прости меня в вине во жёнскоёй!»

1000. Так тут этот ма́лой скоморошинка,
Протянул свои он ручки резвья,
Протянул он ручки через зóлот стол,
Захватил он Олешу за желты́ кудры́,
Да как дернет он Олешу через зóлот стол,
1005. Да как топнет он Олешу о кирпичный пол...
(Несчастлиого жениха!)
Распахнул свою одежду скоморовчату,
Доставал шельгу́ подорожную;
- Да как стал шельго́ю охаживать, —
Ай Владимир — князь да й стольнё — кеевской,
1010. Он по горенке да й в кру́ги бегаёт,
Куньей шубкой он да й укрывается:
— «Молодой Добрынюшка Микитинец,
На пиру, брат, драться дело й нехорошее!..»
Тут случилось быть да й на честнóм пиру
1015. А ведь старому каза́ку Ильи Муромцу,
Говорит Илья да й таковы слова:
— «Ай же ты, Добрынюшка Микитинец!
Не убей — ка ты из — за женщины богатыря:
Ай Олешенька силою не силён, так напúском смел!»
1020. Говорит молодой Добрынюшка Микитинец:
— «А й же глупый князь стóльнё — кеевской!
Ай свою — то ты жену так ты
Ай чужую — то жену так замúж даешь!»
Сам схватил Настасью за рученьки за белыя,
1025. Да й за те за перстни́ за злачёныя,
Целовал ее в уста сахáрния,
Называл своей любимой семеюшкой.
А тот ли Олешенька Попович — то
Ай садился на скамеечку дубовую,
1030. Свои жёлты кудри рученькой поглаживал,
Говорит Олеша таковы слова:
— «Ай ведь всем женитьба удаётся,
Ай ведь все живут да й каждый женится;
Ай ведь только я, Олешенька, й женат бывал,
1035. Ай ведь только я, Олешенька, и с женой живал!»
Молодой Добрынюшка Микитинец
Захватил жену за рученьки за белыя,
Да за те ли за перстни́ за злачёныя,

- Сам сошел от князя со честна́ пира́;
1040. Приходил Добрыня на широкий двор,
Увидала й их тут рóдна й матушка,
Выбегала поскореньку й на широкий двор,
Она плакала тут женским голосом,
Женским голосом да й во всю голову:
1045. — «Ай же ты, мое любíмое семеюшка,
Ай же ты, мое да й чадо мíлоё,
Молодой Добрынюшка Микитинец,
Молода́ Настасьюшка Микулишна!»
Говорила она да й таковы слова:
1050. — «Воссияло наше й красно й солнышко,
Распекает наш да й светлый месяц ведь!»
Да й брала́ их за рученьки за белыи,
Да й брала́ их за перстн́и за злачёныи,
Проводила их в палаты белокаменны,
1055. Проводила их за столички дубовыи,
Да садила за скамеечки окольные,
Подносила им ествушки сахáрнии,
Подливала им пúтьеца медвя́ныи,
Спать пошли на кроваточку тесовую,

448

1060. Да й на тую — ли перинушку й пухóвую,
Закрывала одеяльцем их теплым.
Стали жить да век корóтати.
Ай и тем былиночка й покончилась.

П. И. Рябинин — Андреев пел эту былинку 2¹/₂ часа. Он рассказывал: «Я с одного разу понял. Папаша пропел мне раз, когда было мне десять лет. Я сказал: «Спою». Пропел. Отец сказал: «Коли пропел — хорошо, а не пропел бы — тебе не петь старин!» Во время войны собирались женщины; я им пел «Добрыню», так они все слезами заливались, как он на войну собирался, — все им близкое.»

449